

основе предоставления КНДР гарантий безопасности. При этом Х. Смит выражает мнение, что выработка «новых инициатив» маловероятна в формате «шестисторонки», и предлагает привлечь другие государства, например, Великобританию и Германию, которые имеют диппредставительства в КНДР. Вместе с тем, Х. Смит не предлагает альтернативного механизма решения ЯПКП. Интересно отметить, что важнейшим условием урегулирования автор считает возврат США к активному участию

в данном процессе и обеспечение своего дипломатического лидерства в Восточной Азии.

Следует, однако, отметить, что в некоторых случаях автор использует сведения, полученные от анонимных источников и перебежчиков, что ставит под сомнение их достоверность. Но они не стали основой книги и были подвергнуты критическому осмыслению.

Книга получила одобрительные отзывы многих исследователей. Она будет интересна широкому кругу читателей.

© 2016

Г.Д. Толорая, доктор экономических наук

**Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях
дальневосточного фронта / А.А. Забияко [и др.];
под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т,
2015. 462 с., ил.**

Исследовательская литература о Русском Харбине насчитывает ныне не одну сотню названий. Первоначальный вал публикаций, отражавший вспыхнувшую моду на прежде запретный плод темы российского зарубежья, истаял. Однако научный интерес к проблеме сохранился, свидетельством чему — постоянно появляющиеся публикации как по данной теме, так и по более широкой проблематике истории русской диаспоры в АТР. При этом накопленный обширный фактологический и аналитический материал дает возможность современным исследователям ставить более широкие познавательные задачи, вести более углубленное изучение разнообразных аспектов проблемы. Примером этому служит рассматриваемая монография, авторы которой являются признанными знатоками истории и культуры русского рассеяния на зарубежном Дальнем Востоке (А.А. Забияко, А.П. Забияко, С.С. Левашко, А.А. Хисамутдинов).

Как явствует из заглавия, исторический опыт Русского Харбина авторами рассматривается в контексте *жизнестроительства*. К сожалению, данный концепт остается для читателя не проясненным. Правда, в предисловии А.П. Забияко, актуализируя и анализируя проблему «жизнеспособности» народа в условиях «диаспоризации», отмечает, что «главствующей стратегией существования харбинской культуры в условиях дальневосточного фронта были консервация нормативных качеств рус-

ской культуры и их интенсификация», что не исключало «усвоения некоторых сторон китайской культуры и движения в сторону русско-китайского синкретизма» (С. 13). Надо полагать, это и было «стратегией» *жизнестроительства*, в рамках которой харбинцы вырабатывали групповые и индивидуальные практики своего социокультурного бытия. Некоторым из этих практик посвящены три основных раздела монографии, в которых анализируется архитектурная история Харбина, изучение Китая русскими исследователями из Харбина, дальневосточный фронт в художественном сознании русских эмигрантов. Понятно, что данные сюжеты далеко не исчерпывают проблему жизнестроительства Русского Харбина, но сами разделы написаны великолепно.

С.С. Левашко последовательно реконструирует этапы строительства Харбина, проследив за превращением маленького невзрачного поселка на берегу Сунгари в блестящий, шумный, многотысячный город, заслуживший наименование «Париж Востока». Автор обращает внимание на то, что при планировании и застройке Харбина «были реализованы прогрессивные идеи градостроительства» (С. 15). Особенно ярко это проявилось при возведении ставшего фешенебельным районом столицы КВЖД Нового города. В то же время Харбин не отличался архитектурным единообразием. Анализируя «взрывной, полустихийный характер становления Пристани» (С. 19) — другого, ком-

мерческого района города, С.С. Леошко отмечает своеобразие китайского района Фудзянянь и других, что, по словам автора, создавало «множественность образов Харбина» (С. 21).

Помимо общей характеристики городской застройки, С.С. Леошко дает чрезвычайно интересный историко-архитектурный анализ знаменитых харбинских сооружений: здания Управления КВЖД, Политехнического института, агентства Южно-Маньчжурской железной дороги, Железнодорожного собрания, комплекса Московских торговых рядов, железнодорожного вокзала и других зданий, составивших славу русского архитектурного наследия. Закономерно, что С.С. Леошко обратила внимание и на культовое зодчество Харбина. Где бы ни оседали русские люди, одним из первых шагов их жизнестроительства было возведение церквушки или храма для творения молитвы. Харбин не был исключением. Его многочисленные церкви, храмы, часовни, монастыри были важными архитектурными доминантами городского пространства, при этом многие из них, как свидетельствует С.С. Леошко, могут быть отнесены к достижениям архитектурного искусства.

Отмечая своеобразие и неповторимое очарование Харбина, С.С. Леошко анализирует основные стилевые направления городской архитектуры: модерн и его многочисленные версии, «кирпичный стиль», ретроспективизм, неорусский стиль. Между тем наибольшее предпочтение харбинские архитекторы отдавали модерну. Автор считает это закономерным, так как «при разработке архитектурных проектов для КВЖД всякого рода новации подразумевались как условие существования всего грандиозного мероприятия, предпринятого Россией», при этом «жизнестроительная концепция модерна была весьма актуальной для территории нового освоения» (С. 21). Это верно, но мне кажется, что не меньшее значение имели и другие умонастроения, характерные для строителей Харбина. Эти мысли выразил, в частности, архитектор Н.В. Никифоров, назвавший построенное им здание железнодорожного вокзала «прекрасным и долговечным памятником эпохи русского владычества на Дальнем Востоке» (С. 53). Задумывая и воплощая самые передовые архитектурные проекты, харбинские архитекторы сознавали, что им выпала историческая миссия возвести «у стен недвижимого Китая» русскую столицу КВЖД, великий европейский город, манифестирующий закосневшей поднебесной цивилизации ее неизбежное будущее. Увы, Н.В. Никифорову было не суждено предугадать судьбу своего детища — по-

строенное в неорусском стиле здание вокзала ныне утрачено, как и многие другие русские постройки Харбина. Тем важнее исследования, проводимые С.С. Леошко, одно из которых представлено в рассматриваемой монографии.

А.А. Хисамутдинов исследует интереснейшую страницу интеллектуальной истории Харбина, связанную с изучением Китая местными востоковедными силами. Автор рассмотрел организационные формы, в рамках которых сложились и развивались китаеведческие исследования, уделив особое внимание деятельности Общества русских ориенталистов (ОИР), Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК), Института ориентальных и коммерческих наук, а также развитию китае- и маньчжуроведения в стенах русских учебных заведений. Автор собрал уникальные сведения о выходившей в Харбине научной периодике и научном репертуаре харбинских книгоиздательств. Чрезвычайно ценна информация об исследователях, подвижническим трудом которых развивалось харбинское востоковедение: это Э.Э. Анерт, Н.А. Байков, И.Г. Баранов, В.Н. Жернаков, В.В. Поносов, А.П. Хионин, П.В. Шкуркин, Е.Е. Яшнов и многие другие. Большую познавательную ценность представляют два составленных А.А. Хисамутдиновым приложения — биографический словарь харбинских востоковедов (почти две сотни персоналий) и библиографический список их работ.

Материалы А.А. Хисамутдинова дают четкое представление об историческом развитии данной региональной ветви русской ориенталистики. Автор считает, что с самого начала Харбин стал «одним из ведущих центров практического востоковедения» (С. 99), поэтому неудивительно, что территориальным полем исследований были Маньчжурия и Северо-Восточный Китай (хотя не только), а наиболее значительные достижения связаны с изучением экономики, сельского хозяйства, производительных сил, природы и ресурсов региона. В то же время немалые успехи были достигнуты в области гуманитарных наук, что связано с исследованиями региональной истории, археологии, этнографии, краеведения, трудами в области языкознания, лексикографии, работами по составлению словарей и др. Существование харбинского востоковедения было недолгим по времени, но ярким по оставленному научному наследию. А.А. Хисамутдинов прав, отмечая, что «научные исследования востоковедов-эмигрантов органично вошли в общую систему российского и мирового востоковедения» (С. 140).

Важной частью исследования

А.А. Хисамутдинова является анализ общественного статуса харбинского востоковедения. Он был весьма высок. Местное общество проявляло значительный интерес к ориентальным штудиям, равно как и харбинские ориенталисты считали важной составляющей своей деятельности не только печатную публикацию итогов научной работы, но и их публичную презентацию. Последняя проводилась в виде лекций и чтений в многочисленных городских научных обществах и объединениях, таких как ОИР, ОИМК, Клуб естествознания и географии Христианского союза молодых людей и др., привлекавших значительную массу заинтересованных слушателей. Вообще следует отметить, что интерес к научной информации, к знаниям, стремление приобщиться к современным исследовательским достижениям был характерной чертой интеллектуально-духовного жизнестроительства харбинцев. Поражает воображение огромное количество работавших в городе различных кружков, клубов, обществ и т.д., на заседания которых выносились «научные» доклады и их обсуждение. Помимо упомянутых в книге, можно назвать литературно-художественный кружок им. Н.А. Байкова, где часто выступал сам Николай Аполлонович, Национальную организацию пржевальцев и др.

Важно также отметить, что русские ориенталисты Харбина представляли результаты своих исследований не только слушателям родного города. Харбинские востоковеды были неоднократно участниками съездов научных работников, проводившихся в столице Маньжоу-Го Синьцзине. Так, участником III съезда (22–23 марта 1942 г.) был В.Н. Жернаков, который выступил с докладом «Ковровое производство в Маньжоу-Го», а в работе IV съезда (13–14 марта 1943 г.) приняли участие В.Н. Жернаков и В.В. Поносов, выступившие с докладами «Ганьяо как центр гончарного производства Маньжоу-Го» и «Доисторическая культура у среднего течения р. Сунгари».

Еще одной форме интеллектуальной деятельности Русского Харбина посвятила свое исследование А.А. Забияко, сосредоточившись на литературном творчестве дальневосточной эмиграции. Долгое время считалось, что эта ветвь литературы русского зарубежья сильно уступает европейскому древу эмигрантской словесности, нося вторичный, провинциальный, маргинальный характер. Однако углубленные исследования последних лет, в том числе и автора данного раздела монографии, заставили изменить это малообоснованное представление, и рассматриваемый текст еще раз подтвер-

дил объективность нового подхода к творчеству харбинских писателей.

Впрочем, А.А. Забияко в данном случае интересуют не столько собственно художественные аспекты эмигрантской литературы Харбина, сколько «художественное сознание» ее творцов — писателей, поэтов, литераторов, отразивших в своем творчестве реалии (если воспользоваться концептуальной дефиницией авторов) жизнестроительства на дальневосточном фронтире. Проблема анализируется автором в нескольких взаимосвязанных очерках, и уже в первом — «Русский город в сердце Маньчжурии: художественный образ Харбина» А.А. Забияко демонстрирует доскональное знание литературного материала, понимание исторического контекста эпохи, тонкое проникновение в личностно-психологический универсум художников слова. Этот исследовательский инструментарий позволил А.А. Забияко поставить и другие важные проблемы. Так, автор анализирует отраженную в эмигрантских текстах «фронтирную ментальность», слагаемые которой, по мнению А.А. Забияко, включают актуализированную в условиях иноэтничного и инокультурного окружения проблему «русскости» (А. Паркау, М. Колосова, А. Несмелов, Л. Ещин), а также китайские рецепции русского литературного сознания и его попытки «художественного проникновения в этнокультурные традиции этой восточной страны» (С. 188), в ряде случаев весьма успешные (В. Перелешин, А. Ачаир).

Особенно интересными мне показались разрабатываемые А.А. Забияко модели художественного восприятия дальневосточного фронта. Обусловленные конкретными историческими и этнографическими реалиями региона, последствиями русско-китайского взаимопроникновения и в немалой степени личным опытом художника, эти модели эволюционировали по-разному. В одних случаях литературные тексты прошли путь от научных изысканий к художественной этнографии (В.К. Арсеньев, П.В. Шкуркин, Н.А. Байков); в других — от этнографических повествований к беллетристике (М.В. Щербаков, Б.М. Юльский, А.И. Несмелов). А.А. Забияко не ограничивает этим пределы художественного восприятия фронтирного мира: он дал творческий импульс «мистическому реализму» Альфреда Хейдока, народническим традициям «художественной этнографии» Венедикта Марта.

К сожалению, автор не обратилась к еще одному жанру харбинской литературы — драматургии. Между тем произведений этого

рода было создано немало: таковы, например, пьесы М.А. Талызина «Плотина», Н.П. Веселовского «Поединок», А.Ф. Ларина «К победе», Д.И. Устинова «Заря новой жизни», Н.Н. Петлина «Андантэ кантабилэ», «Эпоха» и др. Все они основаны на местном, харбинском материале, их героями были русские эмигранты, перипетии сюжета отражали как типические коллизии и обстоятельства, так и идеальные схемы эмигрантской жизни, но в любом случае драматургические произведения могут стать важным источником для понимания ментальности и жизнестроительных стратегий Русского Харбина.

Обосновывая во введении теоретические посылы монографии, А.П. Забияко остановился на «русском опыте диаспоризации» в контексте им же очерченной проблемы «жизнеспособности, витальности, устойчивости этносов» (С. 6). Харбинский опыт убеждает автора в том, что русские могут «при определенных условиях создавать за пределами исторической родины жизнеспособные сообще-

ства» (С. 10). Это утверждение в равной мере сложно как подтвердить, так и опровергнуть — слишком короткое историческое время было отпущено Русскому Харбину. А.П. Забияко очень точно выделил детерминантные черты, придававшие русской общине в Маньчжурии целостность и устойчивость. Это — численность, относительно компактная территория проживания, общность языка и культурных традиций, историческая память, что сохраняло благоприятные перспективы для жизнедеятельности русских в Китае в качестве самостоятельного этнического меньшинства. Однако после завершения Второй мировой войны существование этой части национальной диаспоры было искусственно и жестоко прервано. К счастью, ее материальное и духовное наследие не канули в Лету. Отрадно, что исследовательская книга продолжается, примером чему служит работа, посвященная уникальному историческому феномену Русского Харбина.

© 2016

Ю.Д. Анчабадзе, доктор исторических наук

Сиобара Тосихико. Украина гэ:то. «Нэокон»-но дзёхо соса то ябо: [Украинагэйт. Злые умыслы «неоконсерваторов» и их манипуляции с информацией]. Токио: Сякай хёронся, 2014. 246 с. На яп. яз.

События на Украине освещаются в Японии с позиций, четко определенных положением этой страны как одного из ключевых военно-политических союзников США. Официальный Токио осуждает воссоединение Крыма с Россией и расценивает борьбу военных формирований самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик против Киева как действия «пророссийских сепаратистов». Японские СМИ умалчивают о сотнях тысяч беженцах из северо-восточных регионов Украины, большинство из которых нашли приют и помощь в России. Телевидение и пресса Японии не сообщают о варварских обстрелах украинскими войсками жилья, школ, больниц, объектов социальной инфраструктуры Донбасса, жертвами которых стали около семи тысяч мирных жителей. Книга экономиста и политолога, доктора философии Т. Сиобара идет вразрез с распространенными в японской публицистике подходами.

Во «Введении» автор отмечает, что кризис на Украине стал темой публикаций

японских СМИ начиная с февраля 2014 г. Освещались обострение вооруженной борьбы в Киеве, тайное исчезновение из столицы президента В. Януковича и образование временного правительства Украины. Наконец, поступила информация о присоединении к территории России полуострова Крым. Именно последнее оказалось в фокусе японской прессы, Россию подвергали критике за нарушение сложившегося после Второй мировой войны порядка в Европе. В то же время японские журналисты почти ничего не сообщали о причинах и обстоятельствах произошедшего на Украине вооруженного мятежа. «Но такой половинчатый подход к освещению событий приводит к неверному пониманию сути украинского кризиса, — подчеркивает Т. Сиобара. — В результате выпускаются из виду природенный империалистический характер США, подстрекавших к вооруженным выступлениям правых сил Украины против законного правительства, и империализм государств Евросоюза, смотревших сквозь пальцы на эти спровоцированные Вашингтоном и его